

Завтра жители Мегнона будут праздновать День города. Среди тех, кто делал и продолжает делать его славу историю — старший геолог Вос-точнo-Мегнонской экспедиции Модест Федорович Сияюткин. Его рассказ мы и предлагаем вниманию читателей.

— В пятьдесят шестом году меня, выпускника Саратовского института, распределили в Березово. Там предполагали тогда большие залежи нефти и газа, отсюда начинался фронт поиска этого ценнейшего сырья в Западной Сибири. За десятки и сотни километров уходили геологи в тайгу, отыскивали, как мы говорим, точки для бурения первых разведочных скважин. Вертолеты в ту пору были еще редкостью, машины не всегда могли преодолеть сугробы или осеннюю распутицу, и часто нам приходилось пешком шагать по семьдесят—восемьдесят и сто километров по таежной глухомани. Помогали нам коренные жители — ханты и манси: отогревали в своих чумах, кормили, давали лошадей или оленей. Для меня, молодого человека и начинающего специалиста, Березово стало началом моей сибириады, временем становления и мужания.

А в феврале 1962 года Ю. Г. Эрвье предложил мне стать главным геологом недавно организованной Мегнонской нефтеразведочной экспедиции. Собрали мы с женой и дочкой нехитрые свои пожитки и прибыли сюда. Помню глухую деревушку, палатки и вагончики на берегу Меги и Баграса. Кругом, куда ни глянь, тайга, рядом небольшая вертолетная площадка, связывающая нас с внешним миром.

Вскоре стали строить рубленые дома, понемногу обустраивать свой быт.

Геологи по структурной карте с подземным рельефом отыскивали места под буровые, вышкомонтажные перетаскивали туда станки, Л. И. Норкин, С. Л. Малигин «прокальвали» землю, изучали нефтяные пласты.

Помню, как выдавали первую точку на самотлорской структуре.

Говорили тогда не случайно: «Бог создал Землю, а дьявол — Самотлор». Года два-три из-за сплошных болот не могли мы к нему подступиться. Наконец, с приключениями на взезде, но добралась. Сразу же возникла другая проблема — как перетащить станок для бурения. Еще с большими приключениями, а вернее сказать, трудностями, окружным путем через Нижневартовск привезли его

найти-то нашли, а как взять эту нефть в условиях такой заболоченности и отдаленности от промышленных центров страны, как заставить ее служить людям?

В шестьдесят четвертом году, помню, приехали к нам И. И. Рыховой и Г. С. Арнопольский. Они стали заниматься пробной эксплуатацией месторождения, появились первые нефтепродукты. Никогда не забуду

## РАССКАЗ ГЕОЛОГА

# Моя сибириада

вышкомонтажники. Казалось тогда: почти безнадежное задание. А они все равно выполнили его, преодолели трудности, ожидающие их буквально на каждом шагу. Первая скважина сразу же дала нефть. Вскоре пробурили вторую скважину на Белозерном, затем третью — в седловине между Белозерным и Тагринским месторождениями. И снова забил нефтяной фонтан. Недалеко друг от друга пробурили еще скважины — все оказалось сплошным нефтяным полем, все малые структуры как бы создали под землей единый нефтяной контур. Убедились геологоразведчики и в том, что Мегнонское и Самотлорское месторождения по верхним пластам составляют одно целое.

Как радовались мы, что обнаружили в кладовых Земли такие огромные запасы «черного золота». Но к этому чувству тогда добавившись и тревога:

митинга в честь первого танкера, везущего нашу нефть на Омский нефтеперерабатывающий завод. В глазах людей, так много уже повидавших на своем веку трудностей и, казалось, привыкших ко всему, светились слезы радости и гордости за свой труд. А это, может быть, больше всего объединяет людей в единый коллектив: роднит и сближает их...

Следующий год тоже был памятным на события: меня приняли в партию, в нашей семье родился сын.

С каждым годом рос и наш Мегнон. Появились в нем уже двухэтажные благоустроенные дома, школа, больница, детский сад.

А геологи уходили все дальше на север. Если ранние разведку мы вели близости от мегнонской базы, то сейчас уже за двести—триста километров. Чтобы добраться, например, на Северо-Ермальскую площадку, вертолету уже не хватает

одной заправки горючим.

Чтобы удержать план по приросту нефти, нужно увеличивать объем бурения, стучать сеть разведочных скважин. Хороший эффект дает бурение с целью выявления литологически экранированных залежей. Так, например, было открыто Повховское месторождение. Большие перспективы связывают геологи и с глубоким бурением, со вскрытием всего осадочного чехла до палеозойского периода включительно.

Из крошечного поселочка, затерявшего себя среди тайги, Мегнон стал городом с высотными домами, асфальтированными улицами. Жаль только, что при строительстве его мало пощадили мы природу. Помню, раньше вокруг вагончиков да палаток стояли двадцать—тридцатиметровые кедры, зеленела тайга, тихонько несла свои воды чистая речушка Сайма. Сейчас это все осталось только в памяти старожил.

Здесь, в Мегноне, я прожил большую и лучшую часть своей жизни. А о том, что не напрасно, говорят хотя бы правительственные награды. В шестьдесят седьмом году я получил орден «Знак Почета», в семидесятом стал заслуженным геологом РСФСР, а в восьмидесятом мою грудь украсил орден Ленина.

Мною сибириаду продолжают мои дети. Дочь — уже геолог, сын, будущий геофизик, учится в Тюменском индустриальном. Я счастлив от того, что так сложилась моя судьба, что на долгие годы связал ее с поиском нефти в Сибири, с родным моим городом Мегноном.

Записала  
В. ПЯТЫРОВА.

От редакции. Решением исполкома Мегнонского горсовета от 17 июля нынешнего года М. Ф. Сияюткину присвоено звание «Почетный гражданин города Мегнона».